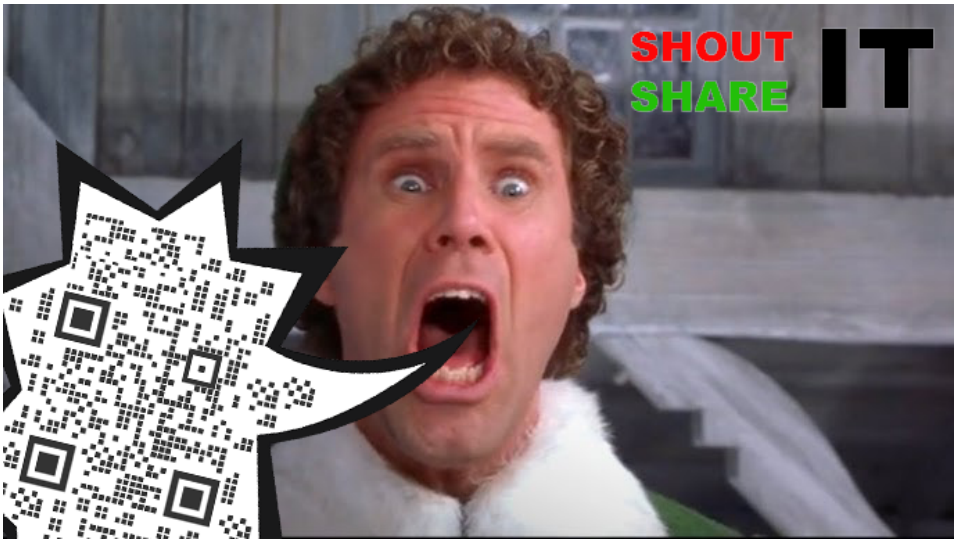
Ad infinitum

Хозяин морей - 1

Варвара Мадоши


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фэндом: Master&Commander, он же «Обриада», он же Aubrey/Maturin series, он же книги Патрика О'Брайана про капитана Обри и д-ра Мэтьюрина, а также ирландские сказки. Ни в коем случае не претендую ни на владение героями, ни на извлечение из них прибыли, ни на — паче чаяния — то, что я что бы то ни было понимаю в музыке, Ирландии или хорошем кофе.

Предупреждение: «альтернативка».

- Варвара Мадоши
  - ○

Варвара Мадоши
Ad infinitum

И, коль выпадет шанс,
По дороге в Прованс,
Я узнаю его по улыбке у глаз
И обветренной коже.

Лора Бочарова.

— Стивен, обязательно выпей соку, ручаюсь, ты такого не пробовал, — Софи сноровисто отрезала угол тетрапака и налила сок в высокий стакан. — У вас в Дублине такой не продают.

— Прекраснейшим образом продают, и что такого в этом апельсиновом соке? — брюзгливо спросил Стивен, торопливо откусывая бутерброд с джемом. На улице солнце поднималось все выше и выше, отнимая неоценимые утренние часы, когда можно преодолеть большую часть пути в прохладе. — Положительно, Софи, эта забота о моем желудке… какое-то язычество, поклонение низменным потребностям…

— Доктор, а так говоришь, — покачала головой Софи и вернулась к раковине, в которой мыла посуду. Ее муж и сыновья поднялись и ушли еще до рассвета: как все здешние рыбаки, они выходили в море затемно. — Сок полезен. Даже в рекламе так говорят.

— У меня степень по этнографии, прошу заметить, — произнес Стивен. — Еще я занимался зоологией, но быть врачом в наше время?… Даже при том, что я не считаю себя человеком исключительной честности, ты бы знала обо всех этих фармацевтических махинациях… А при твоем уме верить рекламе, дорогая Софи, это умственная лень высшей пробы!

— Ну вот, опять вскипел, — заметила Софи. — Гляди, я собрала бутербродов с сыром, как ты любишь. Ты хотел сегодня дойти до Эшгрува, повидать того дедушку, которому двести восемьдесят лет… как там его, — Софи наморщила лоб, покуда ее руки, ловкие и даже все еще красивые, несмотря на пятнадцать лет замужества и троих сыновей (что в этих патриархальных краях означало никакой помощи по дому), расправлялись с последними чашками из-под кофе. — Как думаешь, мне все-таки удастся уговорить Джима на посудомоечную машину?

— По моему опыту, — произнес Стивен с некоторым

ехидством, — нет такой глупости, на которую женщина не могла бы уговорить мужчину, а вот с вещами разумными чаще всего выходит промашка. Возможно, он согласился бы купить тебе на последние деньги кулон с бриллиантом, но посудомоечную машину?… Правда, я мало знаю Джеймса.

Стивен откровенно любовался ею: вот что значит — человек на своем месте — счастливый и довольный. Ни малейшего следа горьких мыслей, скуки или неудовлетворенности собой — только радость от мужа, детей, коттеджа и этих живописных холмов вокруг. Даже неизбежные в наши тяжелые времена экономические трудности ее не трогают, словно пролетают мимо — впрочем, Софи еще в школе прекрасно управлялась с цифрами и умела экономить.

— Тебе кофе с сахаром или без? — спросила Софи, наливая означенный эликсир богов в походный термос.

— Не имеет значения, моя дорогая, главное, чтобы он был крепким.

Софи бросила в термос несколько кусочков сахара: разойдутся от тряски.

Когда солнце вызолотило вершину холма, Стивен уже глазел на него оттуда, прикрыв глаза козырьком ладони. Он щурился от солнца и ветра, который ерошил его коротко подстриженные черные волосы, и от этого казался старше своих «около тридцати»; впрочем, люди подобной внешности проходят по жизни почти не меняясь, в двадцать лет уже выглядя приблизительно так же, как будут выглядеть в пятьдесят. У него было бледное, мрачное лицо с чуть опущенными уголками губ. Несмотря на небольшой рост, он сутулился и прятал руки в карманах. Он был странновато одет: в потертую футболку с выцветшим логотипом (вряд ли футбольной команды, скорее, колледжа), джинсы, старые побитые кроссовки, и ко всему этому — пиджак мелкого офисного клерка с подкладками на локтях. При этом то, с какой сноровкой он взбирался на холм, то, как хорошо был подогнан небольшой рюкзак у него за плечами — все это выдавало в нем опытного ходока, если не путешественника.

Отсюда с холма было видно море: бесконечный искрящийся простор, каждая складка сияла не хуже хорошо отполированного зеркала. Какое-то время Стивен прикидывал углы отражения света и раздумывал, нельзя ли сделать зеркало в знаменитом проекте фотонного корабля складчатым — это могло бы увеличить его площадь и обеспечить принципиальную осуществимость проекта в целом. Обычные интеллектуальные шарады, мало связанные с реальностью — он давно привык заполнять ими минуты, когда мир не мог предложить ничего

более занимательного.

«Господи, еще один день», — вдруг понял он, и это осознание наполнило его горечью пополам с благодарностью Творцу.

Стивен зашагал с холма вниз. Морские легенды и предания старой Англии ждали его.

…Как указала ему некая словоохотливая леди на пороге лавки, они занимались починкой крыши: двое молодых ребят и оживленный пожилой джентльмен, такой же худощавой комплекции, как и сам Стивен. Как решил этнограф, когда-то в молодости мистер Пуллингс был куда как мускулистей; очевидно, что он был старше Стивена всего лишь на полвека, а никак не на два с лишним.

Сейчас он бодро командовал двумя мальчишками лет восемнадцати, подбадривая их не вполне понятными дублинскому профессору местными анекдотами, и беленый крест уже был практически водружен на свое законное место на коньке англиканской церквушки: как сказали Стивену, его поломал шторм.

— Мистер Пуллингс! — закричал Стивен снизу, как всегда, щурясь против солнца, — меня зовут Мэтьюрин, из Дублинского университета! Уделите мне минуту?

— Мэтьюрин? — теперь уже настала очередь бодрого старика Пуллингса щуриться. Потом он кивнул, живо спустился вниз по приставной лестнице — казалось, для него это не сложнее, чем по обычной — и оказался рядом со Стивеном вплотную.

— Том Пуллингс, рад представиться, доктор, — сказал он, крепко пожав ладонь Стивена.

— Откуда вы знаете, что я доктор? — Стивен нахмурился: ничего подобного он не говорил.

— Да у вас на лбу написано! — искренне расхохотался старожил. — Не скажите вы, что из Дублина, я бы решил, что вы дон! Этнограф, наверное?

— Да, именно, — согласился Стивен, отнимая руку. — Полагаю, мои коллеги сюда часто приезжают?

— Раз в год обязательно, — сообщил Пуллингс с довольным видом. — Места известные. Все-таки родина адмирала Обри.

Стивен кашлянул.

— Прошу прощения, мистер Пуллингс… вы ведь все-таки знаток… я не первый раз слышу об этом во всех отношениях, несомненно, выдающемся адмирале, однако мне не удалось разыскать в официальных документах Флота Ее Величества ни малейшего упоминания о нем. Прошу прощения, если обидел вас этим. Конечно, я не совсем историк, и уж подавно никогда не занимался историей военного флота девятнадцатого века.

— Да, о нем немногие знают, — Пуллингс ничуть не смутился очевидному противоречию, будто и не говорил только что совершенно обратное. — Правда, я думал, что вы… Ну да ладно, — он как будто оборвал себя. — Тут особенно рассказывать и нечего. Жил такой адмирал когда-то, очень успешный в бою, но не очень успешный во всем остальном. Больше бывал в море, чем на берегу, но когда бывал на берегу, то здесь. В окрестностях его очень любили в свое время, и я вам скажу, почему: он притягивал сюда удачу. И отпугивал сборщиков налогов. Смею вам сказать, сэр, налогов тут никто не платит вот уже двести лет: ни один человек! Вот что, сэр, — Пуллингс как будто поколебался. — Сейчас мне некогда, мы тут с ребятами заняты: пастору нашему пообещал помочь. Но если вы не возражаете, можете зайти ко мне домой вечером: я вам расскажу и о растянутом времени, и о ночном тумане, и о Сухом Удильщике… Словом, сэр, обо всем, что вы захотите услышать. Больше вам, пожалуй, никто этого не расскажет, даже из тех, кто знает: мы не говорим об этом людям из большого мира, не поймут.

— Чем же я заслужил такую честь, мистер Пуллингс?

— Пожалуй, тогда и объясню, — пожилой джентльмен явно начал нервничать. — Прошу простить, мне и впрямь пора… Жду вас вечером, в половине восьмого вас устроит?

— Более чем, — Стивен чуть склонил голову. — С нетерпением жду этого разговора… Мистер Пуллингс, а как вышло, что все считают, будто вам двести восемьдесят лет?

— Потому что мне и в самом деле двести восемьдесят лет, — Пуллингс ответил дружелюбно, несмотря на очевидную спешку. — Я служил вместе с адмиралом Обри, когда он еще был коммандером, и даже помогал прятать его от долговой тюрьмы! — он заразительно рассмеялся, показывая белые зубы, неотличимые от настоящих. — Он помог мне подняться от мичмана до капитана… превосходный моряк и настоящий джентльмен, смею вас заверить. Должно быть, потому и задержался здесь, что никогда не платил налогов: нашу жизнь мы этим кровопийцам отдаем, помяните мое слово, ха-ха.

Мэтьюрин вежливо улыбнулся: в чудеса он не верил. Впрочем, что-то было странное в этом человеке: ведь он не пытался и в самом деле представиться стариком, не мямлил, не говорил пространно и двусмысленно, он вел себя совершенно естественно — казалось, его нимало не заботило, что подумает о нем Стивен или кто бы то ни было. Возможно, так проявлялось его чувство юмора.

Тут вдруг двухсотвосьмидесятилетний полез в карман

джинсовой куртки и вытащил оттуда карманные часы на цепочке — сущий анахронизм. Щелкнул крышечкой так естественно, как будто это был самый привычный жест — Стивен прикинул, что он сам непременно уронил бы часы.

— Однако, четверть пополудни. Прошу прощения, сэр, нужно спешить! — он отсалютовал и вернулся к своей крыше.

Стивен не стал возвращаться к гостеприимной Софи Мастерс — единственному существу на всей Земле, которому он мог сказать «моя дорогая». Он расположился под кустом барбариса и какое-то время наблюдал свободный полет чаек над морем — более редких птиц здесь, к сожалению, не водилось — а потом его заинтересовал паук, устроивший свою сложную паутину между веточек. Там доктор с аппетитом пообедал бутербродами и кофе, а после задремал, пристроив под головой рюкзак — делать было решительно нечего, со всеми жителями этой деревушки, он, кажется, уже поговорил, а идти на другой конец острова не успевал.

…туман, серый туман, синий туман, о глаза мои, глаза века… я был духом этих холмов, я видел его печаль — человек-медведь, человек на холме, человек с удочкой, удящий на сухой земле, в беззвездном небе… я был духом этих холмов, духом растянутого времени, духом того, что не случается и случиться не могло…

Я отдал свои глаза. Двести лет прошло, и я отдал свои глаза, ради того, чего не было и чего не будет, ради встречи, которая запрет мои горные ключи, мои травы и могилы мои…

Я отдал свои глаза, которые смотрели в туман, и теперь я не вижу уже горюющего человека; но я не вижу и того, кто идет, кто должен прийти… скоро, о, уже скоро! Его шаги слышны сквозь туман, время изгибается петлей, и если им суждено встретиться — то только в это полнолуние, когда мои глаза…

О, скоро ли я верну вас, мои глаза?… Я так тоскую по зеленой траве и синему морю, и по черным ветвям осенних деревьев, о Каринн-Брагг, о духи мои, друзья мои и братья мои, увижу ли я вас снова среди капель утренней росы?…

— …Так, я действительно родился в восемьдесят втором году, — хохотнул Том Пуллингс. — Тысяча семьсот восемьдесят втором — замечу вам, сэр, превосходное было время!.. Ну, не это, этого я не помню, но девяносто четвертый, когда я впервые вышел в море мичманом… — он поворошил поленья в камине кочергой.

— Это лишь нескольким более двухсот лет, никак не двести восемьдесят, — Стивен расположился в старом, но весьма уютном плюшевом кресле, потягивал кларет и в целом не расположен был придираться к убеждениям своего радушного хозяина.

— Все дело в растянутом времени, — пожал плечами

Пуллингс. — Как вы себе представляете — тысяча восемьсот двенадцатый эй, би, си, и далее до всех букв алфавита?… А ведь было еще время, когда Наполеон вернулся с Эльбы… и после… — он вздохнул. — Не меньше двадцати книг, целая вселенная. Меняют мир, искажают течение времени… Второстепенным персонажам еще полегче, а вот каково приходится главным героям — сказать не берусь. Но это вы, наверное, знаете лучше меня.

— Отнюдь, — возразил Стивен, — я не большой знаток литературы, разве что классической — того необходимого минимума, без которого образованным человеком не станешь. Сейчас выходит столько книг, что, честное слово, пожелаешь вернуться на сто-двести лет назад.

— Так я о чем говорю, доктор… — Пуллингс словно спохватился. — Вся эта местность, — он взмахнул рукой в сторону холмов, — когда-то называлась Каринн-Брагг. Очень давно… Вам не холодно?

Стивен, который вздрогнул, услышав это название — точь-в-точь как в его полуденном сне — отрицательно мотнул головой.

— Знаете, эти постоянные истории о человеке, перед которым холм отворился, и он попал на празднество эльфов, пробыл там семь дней, а оказалось — семьдесят лет, и никто его не узнал? — Стивен согласно кивнул. — Эти истории принято рассказывать о соседней деревушке, о соседях… именно потому, что они всегда происходят с нашими соседями — в некотором смысле, — Пуллингс не понижал голоса, разговаривал так же обыденно и немного деловито, как тогда, возле церкви. — Ну вот как раз здесь все и происходило. Это такой маленький кусочек самой старой Ирландии… или Британии, когда здесь еще жили кельты и молились своим богам и духам. Честному англиканину вроде бы не следует об этом даже думать, но я уже только со временем понял, что одно другому не мешает… ах да, вы же католик.

— В Дублине тоже живут не одни католики, — заметил Стивен.

— О да, — кивнул Пуллингс, — но ведь вы… Нет, не важно. Может быть, вам надоело?… Сыграем в карты — правда, я не мастак — или в шахматы?

— Нет, что вы, молю вас, продолжайте: это становится все интереснее.

Про себя Стивен решил, что имеет дело с редким случаем убежденности, сформировавшейся под влиянием многовековой фольклорной традиции — что может быть интереснее! Разве что обнаружить где-нибудь тут памятник подходящей эпохи.

— Каринн-Брагг всегда славилась такими историями, —

продолжал Пуллингс. — Если сравнивать Британию обычную и Британию — или Ирландию — сказочную, то Каринн-Брагг — один из многих якорей, что не дают одному оторваться от другого и уйти в бесконечное плавание по волнам забвения, прошу простить мне высокопарный слог. В этих деревнях вы встретите много такого, что для всей остальной страны — не более чем бабкины сказки. А здесь и понятия-то такого — сказка — нет. В частности, у Каринн-Брагг есть свой дух-хранитель. Мой тезка — местные его называют «дедушка Том», в том случае, когда хоть как-то называют. Ходит легенда, что раньше этот остров был куском суши, пока однажды дух его не решил повидать чужие страны и не завербовался матросом.

«Какая любопытная помесь сельских и морских историй!» — подумал Стивен и, несмотря на легкое, зашевелившееся в нем беспокойство, поощрительно промычал.

— Духа носило по многим кораблям: он потерял камень, который привязывал его к родному берегу, и поэтому не мог вернуться. Однажды его занесло к некому капитану, который понравился духу больше прочих: и справедлив был, но не зол, и в бою удачлив. А самое удивительное, что этот капитан играл на скрипке «Плач по Тир-на'н-Огг».

— Я не знаю такой баллады, — заметил Стивен, хотя на самом деле ему показалось, что где-то он такое видел или слышал.

— А здесь ее вам любой ребенок напоет, — усмехнулся Пуллингс.

— Выходит, тот капитан был ирландцем? Тогда понятно, отчего этот дух почувствовал к нему такое расположение.

— Нет, сэр, связь не такая прямая: по легенде, капитан был англичанином. Слушайте дальше. У него был ученый друг, как раз ирландец, который собирал разные диковины. И однажды друг принес на корабль камень, который оказался тем самым, потерянным. Дух, который был в облике матроса, обратился к ученому с просьбой отдать ему этот камень, и тот согласился. На следующую же ночь дух вернулся домой и полюбил свою землю пуще прежнего; но теперь он также любил и море, поэтому не смог удержаться и отделил свой кусок земли от Британии, позволив ему плыть.

— Так по этой легенде остров образовался лет четыреста назад? — спросил Стивен. — Необычно.

— Сложно сказать, — заметил Пуллингс. — В одной из версий — ее рассказывал старик Джонс — тот капитан воевал с Наполеоном, так что сами видите, — он развел руками. — Выходит лет меньше двухсот. Скажем, я считаю, что этот капитан

— Обри и есть. Тут все сходится, сэр, даже насчет ученого друга. Я его прекрасно помню: они познакомились при мне, и больше Обри без него в плавания не ходил. Но для легенды это не так важно… Рассказывать дальше?

— Да, конечно.

— Ах, потерял мысль, простите старика. На чем я остановился?

— На том, что дух отделил остров от Британии.

— Именно. Так вот, прошло немало лет, и дух почувствовал, что тому капитану грозит страшная опасность. Тогда он перенес его на свой остров и сказал: будь моим гостем, живи здесь, сколько хочешь. Но капитан ответил, что не может бросить своего друга и обязан за ним вернуться.

Дух знал, что если капитан уйдет с острова, то немедленно погибнет, поэтому он окружил его туманом, сквозь который нельзя уйти. Капитан несколько раз пытался отплыть от острова в лодке, но всякий раз возвращался обратно. Тогда он встал на краю скалы и принялся изучать туман в подзорную трубу: все ждал либо просвета, либо что его друг покажется. Не дождался и присел отдохнуть, потом заснул и, говорят, уже не просыпался — так и окаменел. Вы можете увидеть эту скалу — ребятня называет ее Сухим Удильщиком, она стоит к юго-востоку от моей хижины, где-то в миле. Под луной прекрасно видна.

— А почему Сухой Удильщик?

— Считается, что он удит звезды на сухой земле, потому что для него время свернулось в кольцо. По мне, так просто живописная старая скала… сказал бы я, когда б не прожил на этом свете все растянутые годы! — Пуллингс рассмеялся. — Еще чаю?

«Какое интересное переложение явно древней интерпретации тектонического сдвига и социальных метаморфоз, связанных с проявлением оседлости, на примере колониальной британской традиции», — подумал Стивен про себя.

А вслух сказал:

— Нет, благодарю.

— Может быть еще историй? Про Певунью Кэт или Гленн из Золотой Дубравы?

— Вы меня очень обяжете.

* * *

Луна высоко взобралась над горизонтом, когда Стивен, отдышавшись, поднялся на холм, с которого утром смотрел на

море… или это был другой? Да, похоже на то: Стивен увидел длинный ряд таких же вересковых холмов, убегающих вниз, к растрепанной полоске леса. Дул несильный ветер в сторону моря, которое под луной казалось прозрачным, точно озеро или пруд. «Только лилий не хватает», — пробормотал Стивен и попытался сообразить, далеко ли он забрел от деревни. По всему выходило, что далековато: ни мест этих, ни линии побережья он не узнавал. Видимо, из коттеджа Пуллингса он сразу свернул не туда, а потом еще раз не туда. Или как раз туда — это уже не делало никакой разницы.

Наверное, стоило заночевать, как и было предложено, но Стивену хотелось пройтись, а вот оставаться под кровом этого непонятного долгожителя не хотелось. Да и истории под конец начали повторяться — происхождение местных топонимов он записал чуть ли не с самого начала. Самых древних историй всегда не слишком много.

— В конце концов, если эти холмы так похожи друг на друга, есть ли разница, куда я приду? — спросил Стивен сам себя, и эта мысль его успокоила.

Возвращаться назад к двухсотвосьмидесятилетнему Пуллингсу теперь хотелось еще меньше. Может быть, заночевать прямо тут? Днем, кажется, снилось что-то интересное.

Он обернулся, только чтобы обнаружить, что вершина холма абсолютно пуста — если не считать огромного серого валуна на самом краю. По форме валун, размером с кузов небольшого грузовика, странно напоминал человека богатырских пропорций, сидящего, подтянув ноги к груди.

— Возможно, ты и есть тот самый Сухой Удильщик, братец, — сказал Стивен, подойдя к валуну и хлопнув его по нагретому боку. — Интересно, как ты сюда попал?… Следов ледника я не вижу… Впрочем, местные жители могли установить тебя в незапамятные времена для ритуальных целей. Давай-ка посмотрим, есть ли на тебе какие-нибудь руны…

Рун то ли не было, то ли он просто не смог рассмотреть их в лунном свете. Пожав плечами, Стивен скинул рюкзак — жалко, кофе не осталось, ну да ладно — и уселся, прислонившись спиной к теплому камню. Вот и чудно. До утра можно вздремнуть, когда начнет холодать, он встанет и пойдет обратно. Или вперед. Остров не так уж велик, его обойти по берегу — часов семь максимум.

Небо было абсолютно чистое.

— Узнаешь Орион, братец? — пробормотал Стивен и моментально заснул.

Кажется, на сей раз туман ему не снился: Стивен был

слишком вымотан физически и слишком в покое с собой душевно, чтобы его собственное подсознание позволило ему тратить редкостные минуты на кошмар.

Как ни странно, проснулся он не от холода с первыми лучами рассвета, как ожидал, а порядком после восхода — во всяком случае, солнечный свет был уже почти по-дневному ярок.

Его укрыли, а голова лежала на чем-то мягком — никак не на рюкзаке с книгами и пустым термосом.

Ах да, собственно, это живое тепло — вообще ощущение живого тела. Полузабытое, но определенно знакомое. Он что, откуда-то упал или еще каким-то образом поранился — иначе с чего бы кому-то держать его голову на коленях?

Он встряхнул вышеупомянутой головой — удивительно легкой — и сел. Такой же ясный и солнечный день, как вчера, и такое же стеклянно гладкое, чистое небо. Впрочем, почему-то обычное утреннее «Вот и еще один день» миновало его — с искреннем удивлением он уставился на совершенно незнакомого человека в просторной белой рубахе, светлых брюках и шейном платке, который сидел на траве рядом с ним — а раньше как раз-таки держал его голову у себя на коленях — и смотрел на море со смесью внимания и удовлетворения.

— Клянусь честью, погода сегодня будет замечательная, но к вечеру может разгуляться ветер, — сказал он. — Не завидую тем, кто не сможет встать на якорь в бухте. А вы как считаете? — он повернулся к Стивену, и тот рассмотрел, что у человека было широкое, доброжелательное лицо, испещренное шрамами, но чисто выбритое, что волосы у него светлые, длинные и собраны на затылке в хвост.

— Я бы предпочел проконсультироваться с метеоцентром, прежде чем утверждать наверняка, — пробормотал Стивен, ощупывая голову на предмет шишки. Шишки не нашлось, зато он обнаружил, что рюкзак его валяется на траве чуть поодаль, а укрыт он, оказывается, темно-синим, богато расшитым кителем, как будто явившимся из экранизации какого-нибудь исторического батального фильма.

— Великолепно, друг мой, консультируйтесь, с кем хотите! — рассмеялся этот тяжелоатлет. — Все такой же перестраховщик, ни капли не изменился!

— Все такой же? — Стивен нахмурился. — Прошу прощения, мы знакомы?… — он аккуратно свернул китель, поднялся и протянул его человеку. — Это ваше?

Тот, так же нахмурившись и с каким-то даже растерянным выражением лица, принял его.

— Мое, разумеется. То есть как это «мы знакомы», Стивен?

Что я такого ужасного натворил на сей раз?

— Вам лучше знать, что вы натворили, — Стивен оглянулся, — для начала, объясните хотя бы: куда вы меня утащили? В какой стороне Сухой Удильщик?

— Какой удильщик? — человек тоже поднялся на ноги, оказавшись, во-первых, в сапогах, во-вторых, на две головы выше Стивена — не самое приятное наблюдение. — Сухой удильщик? Это опять твой ученый юмор? Признаю сразу — ты победил!

Стивен почувствовал внезапную свинцовую усталость. Приехали. Капитан Обри из вчерашней легенды старика Пуллингса: эльфы увели и водили триста лет. Благодарю покорно. Или все-таки сложный розыгрыш?… Маловероятно: один костюм сделать чего стоит… А с другой стороны — если не розыгрыш, разве будет реальный морской офицер начала девятнадцатого века вести себя так, как будто откуда-то знает Стивена?

— Стивен, расскажи мне, что случилось, и не смотри так, словно ты умер, это меня из себя выводит! — вспылил Сухой Удильщик.

— Ах, ну да, конечно, и мое имя вы уже знаете… — пробормотал Стивен.

— Разумеется! Друг мой, но уж за двадцать-то лет, как ты полагаешь, я мог бы выучить твое имя? — сказал «морской офицер» неожиданно мягко. — Что стряслось? Я вижу по тебе — нечто ужасное! Кроме того… Стивен, да ты моложе!

— Ну, хоть за это спасибо, — ответил Стивен. — А вы, как я полагаю, капитан Обри?

— Да что же это? — он наклонился и пристально вгляделся в лицо Стивена. — Ты и в самом деле меня не узнаешь? Без шуток, Стивен?

— Да, — Стивен несколько отодвинулся: манеру крайне физически крепких людей не уважать твое личное пространство он никогда не одобрял.

— Адмирал Обри, — словно бы нехотя поправился человек. — Меня ведь наконец-то повысили. Джонатан Обри, Джек. Тебя ведь зовут Стивен? Стивен Мэтьюрин?

— Именно, — Стивен склонил голову.

— По крайней мере, это не изменилось, — удрученно сказал человек. — Боже мой! Это ведь Каринн-Брагг?

— По всей видимости, да, — осторожно ответил Стивен.

Его собеседник несколько раз сжал и разжал кулаки — Стивен предпочел даже не пятиться — потом, видимо, взял себя в руки.

— Тогда я надеюсь, к этому бедному парню вернулись его

глаза, — сказал Обри мрачно. — Ладно, что было, то было. Вспомнишь — хорошо, не вспомнишь — ладно. Нужно искать выход отсюда.

— Какой выход? — не понял Стивен.

— Для тебя, мой дорогой, — сказал этот новоявленный «адмирал Джек» с нежностью, которая Стивена насторожила. — Этот парень предупреждал меня, что время теперь может закрыться, так что будет чертовски сложно пробиться в нормальное. Ну да ничего: сперва надо как следует оценить обстановку, а там будет ясно видно, сложно или нет.

— Вы о чем?… — Стивен посмотрел на золотое солнце, висящее над океаном.

— О том, что земля-то это не настоящая, — пояснил Джек. — Ну да ладно, во имя всего святого, нет ли у тебя чего-нибудь перекусить? Также был бы премного благодарен, если бы ты посвятил меня в то, какой сейчас год и все прочее.

— Пойдемте-ка, — сказал Стивен, принимая решение — будем считать, что самое очевидное в данном случае самое верное.

* * *

Стивен нашел коттедж Пуллингса без труда и затратил на дорогу гораздо меньше времени, чем предыдущим вечером. Сам Пуллингс уже не спал, а принял их так, будто ожидал — вышел из дома, широко улыбаясь.

— Адмирал! — воскликнул он. — Ну, вы и заставили себя ждать!

— Томас! — в свою очередь расхохотался Джек Обри. — А вот ты совершенно не изменился, друг мой! Клянусь честью, можно подумать, что мы ровесники.

Они крепко обнялись, и Пуллингс сказал:

— Нет, адмирал, теперь вы моложе, просто еще не увидели. Вы теперь такой же, как были, когда все начиналось.

— Ну уж, Томас, я не какой-то новорожденный младенец… — сердито начал Обри, и тут словно бы сообразил: — А! Ты имеешь в виду на Минорке, когда мне дали «Софи»?

— Именно так, сэр.

«Почему он назвал Пуллингса ровесником? — тем временем думал Стивен. — Неужели ему было лет семьдесят, когда он пропал?… Нет, не слишком на то похоже. Разумно ли будет предположить, что он увидел его не таким, каким вижу его я?… И, кажется, старик об этом прекрасно осведомлен. Что это:

смущение умов на всем острове из-за каких-то невыясненных обстоятельств — излучение, возможно — или странности, связанные непосредственно с Пуллингсом?»

— Так выходит, ты про все это знаешь? — спросил Джек, нахмурившись. — И все помнишь?

— Сэр, так вышло, что я прожил здесь много десятков лет, — осторожно произнес Пуллингс. — Я помню все, что было, потому что это я. Не человек из этого времени с той же внешностью и именем, не реинкарнация, — он не посмотрел на Стивена, но даже этого отсутствующего взгляда было более чем достаточно, чтобы Стивен понял, — а именно я.

— Что такое, черт побери, реинкарнация? — мрачно потребовал объяснений адмирал Обри. — Еще какое-то ваше идиотское механическое изобретение?

— Это то, сэр, во что вы, как добрый христианин, не поверите, — улыбнулся Пуллингс. — Я и сам-то не сразу начал находить это приемлемым. Но ведь вся эта история заварилась только потому, что вам ни в какую не хотелось расставаться с доктором — вот вы и встретились. Тем способом, каким это было возможно, а смею заверить, вероятность была так мала, что еле пропихнешь в игольное ушко!

— Но ты-то откуда это знаешь? — удивленно спросил Джек.

— Потому что это он — хранитель Каринн-Брагг, — устало сказал Стивен, которому это уже стало окончательно очевидно и даже не удивительно. — «Дедушка Том», не так ли?

— Отчасти, сэр, — Пуллингс снова словно бы отдал честь. — А отчасти — действительно только его тезка Том Пуллингс, и в этом качестве невероятно рад вас видеть. Хотя вы, вероятно, и не помните о нашем знакомстве.

— А глаза вам вернули? — спросил Стивен. — Кстати, с чем была связана их потеря?

— С тем, что я одолжил глаза капитану, чтобы он увидел ваше приближение, — улыбнулся Том. — Нет, глаза пока еще не у меня. Вернутся, когда закончится полнолуние. В каком-то смысле это то самое полнолуние, когда адмирал Обри решил дожидаться вас. Можете не слишком беспокоиться о длине срока, доктор Мэтьюрин.

— Да пустяки, — заметил адмирал Обри, — мой дорогой Стивен, мне так привычно ждать тебя из различных твоих ночных «высадок» и «секретных операций», что лишний век-другой погоды не делают! — он рассмеялся.

«Ну вот, — отрешенно подумал Стивен, — он тоже знает о моей помощи МИ-5. Но это полная глупость: я никогда не участвовал в таких опасных и неэффективных мероприятиях, как

высадка где-то под покровом ночи».

А потом он сообразил: это все из другого века, и там он был другим, и нашелся человек, который не побоялся преодолеть время ради смутной возможности оказаться рядом с ним. Ничем не примечательным Стивеном Мэтьюрином, д.ф., преподавателем этнографии Дублинского университета и специалистом по морскому фольклору западного побережья! Да. Такой, как этот, может. Пожалуй, только одно и удивительно: как он, Стивен, — или его реинкарнация — умудрился двести лет назад подружиться с этим чересчур уверенным в себе, сильным и бесцеремонным существом, у которого на лбу написана его невежественность во всем, кроме любимого морского ремесла, — да еще и продлить эту дружбу на… сколько он сказал? Двадцать лет?

Пожалуй, тогда его излишне интимные на современный вкус Стивена улыбки, жесты и постоянные «мой дорогой» можно списать на разницу культур — хотя все равно при каждой фразе Обри Стивен чувствовал, что его берут в оборот как-то уж совсем неподобающим образом.

И Мэтьюрин задал вопрос, который его действительно интересовал:

— А когда, вы говорите, окончится полнолуние?…

— Никогда точно не знаешь, — ответил дедушка Том.

* * *

— Мы познакомились на Минорке, — рассказывал Обри, расхаживая взад-вперед по берегу. Стивен устроился в низкорослой развилке ствола дерева, потягивая свежий пуллингсовский кофе из термоса и на короткий период чувствовал себя практически примирившимся с собой. — В доме губернатора итальянцы давали концерт, а мы оказались на соседних местах. Ты меня самым чувствительным образом одернул за неподобающее поведение, а я вызвал тебя на дуэль, — на этом месте Джек хохотнул. — Ты повел себя так, как будто тебе плевать было на мой вызов и на меня в частности, чем разозлил еще сильнее — «трусливый штатский ублюдок, — подумал я, — прячет за высокомерием нежелание драться!»; это уж потом я узнал, что тебе ничего не стоило бы проделать во мне дырку, так что ты, можно сказать, проявил похвальное великодушие. А здесь ты стреляешь?…

— Регулярно, в тире, — согласился Стивен. — Это помогает успокоиться и сконцентрировать мысли. Впрочем, я давно не

упражнялся.

— Ха, клянусь честью, старый добрый Стивен! Ты точно так же и потом мне говорил. Ну, а на следующий день мы встретились снова, и ты пригласил меня на чашку кофе.

— Что, просто так взял и пригласил? — Стивен приподнял брови. — Неожиданно с моей стороны. Как я понимаю, по меркам того времени мы друг друга оскорбили достаточно серьезно?…

— Ну, обычно все это можно быстро исправить, если искренне извиниться, — нахмурился Джек, — это же очевидно! Я как раз понял, что был не прав, поэтому извинился; а там уж не знаю, отчего, но ты, видно, решил продолжить знакомство — сам уже не помню, как так вышло… А! Да, мы выяснили, что можем играть дуэтом… нет, это было после, когда я пригласил тебя поужинать… — он нахмурился и даже потер лоб. — Нет, пожалуй, я сейчас не смогу точно вспомнить, как все было, прошу меня простить! Столько лет, и все это растянутое время…

— Конечно, конечно, — быстро сказал Стивен. — Послушайте, как это — играли дуэтом?

— Ну да, постоянно: мы все время играли. Я на скрипке, ты на виолончели — и у нас в высшей степени неплохо получалось! Старый добрый Локателли…

— Я играл на виолончели в юности, — припомнил Стивен. — Пока не получил травму обеих запястий… Пожалуй, я мог бы разработать их снова, но в этом не было особенной нужды.

— Тебя пытали? — эти слова Сухой Удильщик произнес так, как будто снова обратился в камень.

— Интересная постановка вопроса, — усмехнулся Стивен. Он редко кому говорил о состоянии своих рук, но, очевидно, первый напрашивающийся возглас был бы: «Как ты умудрился сломать оба запястья!» — Почти. Пытать не пытали, но применили грубую силу уровнем выше необходимого для их целей.

Собственно, применили не одну только грубую силу, но и железную трубку от велосипедного насоса. К счастью, девушке — будущей Софи Мастерс (тогда он с ней был даже не знаком) — удалось сбежать и вызвать полицию. И полиция даже прибыла вовремя… почти.

— Скажи, как у тебя сложилась жизнь? — вдруг спросил Джек. И тут же поправился: — Прошу прощения, если вопрос слишком прямой и неделикатный — вы-то, понятное дело, никак со мной не связаны, хотя я и связан с вами. Просто, если сочтете возможным…

— Отчего же: вы были со мной необыкновенно искренни, полагаю, я обязан ответить вам тем же — тем более, что сведения о моей жизни не так уж пространны и важны. Я профессор в

Дублинском университете, — сказал Стивен. — Доктор философии… это ученая степень. Работаю над диссертацией. Занимаюсь преимущественно британским морским фольклором, также слежу за статьями в области зоологии пернатых, участвовал в написании монографий. И, раз уж вы все равно знаете, — выполняю некоторые аналитические проекты для разведки, конечно, не связанные ни с какими ночными вояжами или пытками. Это, скажем так, способ попутешествовать за счет государства и проникнуться духом другой страны. Сейчас не девятнадцатый век — самые важные и интересные сведения давно лежат в открытом доступе, погребенные под кучей мусора.

— Должно быть, говорите на нескольких языках?

— Да, французский, немецкий, испанский, португальский, немного японский… у меня не хватает возможностей голоса, чтобы говорить по-китайски, но я читаю на этом языке. Понимаю русский, изучаю урду. Достаточно?

— Более чем! — воскликнул Обри. — Боже мой, насколько все действительно остается прежним! — он посмотрел на Стивена влюбленным взглядом. — Ну а как все прочее?… Если мне дозволено спросить, как ваша семья?

— Мои родители умерли довольно давно, — пожал плечами Стивен, — братьев и сестер у меня нет, я одинок. Что же касается близких друзей — полагаю, таков будет ваш следующий вопрос, ибо вы кудахчете надо мной не хуже курицы-наседки — то знакомства мои достаточно обширны, в близких друзьях я никогда не чувствовал необходимости — за одним-единственным исключением. Собственно, я остановился здесь у моего хорошего друга, миссис Мастерс. Возможно, мне удастся вас познакомить, если сейчас не разверзнется земля и дьявол не утащит весь этот остров в преисподнюю, где ему и надлежит находиться!

— Ну-ну… — несколько растерянно произнес адмирал Обри и отошел на несколько шагов. Там он снова продолжил мерить край обрыва.

Стивен сделал несколько глотков кофе и понял, что более или менее сносное расположение духа возвращается к нему.

— Пойдемте, адмирал, — сказал он. — Нужно поточнее разведать, где же мы все-таки оказались: я сомневаюсь, что от мистера Пуллингса можно добиться чего-то полезнее кофе и сэндвичей.

* * *

Странные дела творились на острове Каринн-Брагг. Солнце

тонуло в золотом тумане, который заполонил небо, ветер перебирал косы цветущего вереска, медовый свет играл на оперении многочисленных птиц, которые слетались на остров отовсюду. Кого только не было тут! Олуши, орлы, кречеты, стрижи, малиновки, соловьи, голуби, чайки — этих просто невероятное множество! Птицы вели себя нетипично: спокойно сидели на земле или бродили туда-сюда чуть ли не в человеческой манере: парами и группками, переговариваясь между собой и делая наблюдение за собой бессмысленным. Через луг О'Донована на границе деревушки им пришлось перебираться, высоко задирая ноги, чтобы не наступить на корольков и сычей (последние презрели даже любезный их сердцу ночной образ жизни), которые не обращали на них никакого внимания.

— Что это? — пораженно спросил Джек Обри. — Стивен, вы что-нибудь понимаете?

— Я не орнитолог, — заметил Стивен, — но даже моего уровня более чем достаточно, дабы констатировать показательные поведенческие девиации… — он поймал взгляд Обри и поправился: — Они ведут себя совершенно ненормально, это очевидно любому школьнику. Не знаю, что и думать.

— Они ведут себя, ей-ей, как кумушки, которые чего-то ждут… — Джек, склонив голову, наблюдал за парой синиц, которые оживленно перечирикивались — ни дать ни взять сплетницы в приемной у дантиста. — …! Я чуть не поскользнулся!

— Будьте осторожны: дефекация у птиц непроизвольна, — предупредил Стивен, торопясь по деревенской улице. Тем не менее, он почувствовал определенное удовольствие от того, что чудесное событие не нарушило неких основополагающих законов природы.

Пустота и тишина его удивили: ни мальчишек, играющих посреди улицы, ни звука радиоприемника из-за полуоткрытой двери; ни один старик не выбрался на веранду с креслом-качалкой, и ни одна женщина не начала свой день с мытья окон и поливки садика: здесь перед домами были именно садики, а не газоны. Полосатая кошка, дремлющая на подоконнике миссис Салливан, приподняла тяжелые веки, глянула на Стивена и капитана Обри, идущих пустой улицей, зевнула и заснула снова. Легкая занавеска трепетала над ней, как флаг.

— Чертовщина… — сказал капитан, оглядываясь. — Скажите, у вас, в будущем, всегда так безлюдно?

«И в толпе я, как в пустыне, — лейтмотив коллективного подсознательного большинства современных социумов», — подумал Стивен, а вслух сказал:

— Когда как.

В коттедже Мастерсов тоже оказалось совершенно пусто. На кровати в спальне Софи лежал ее халат, на кухне стоял апельсиновый сок в стакане. Включенный телевизор вместо передачи показывал какие-то невнятные серые помехи. Стивен пощелкал по каналам — без всякого эффекта. Интересно, связи нет, а электричество откуда-то есть?…

Впрочем, на острове собственная электростанция.

— Полагаю, Софи на нас не обидится бы, если мы перекусим, — заметил Стивен, доставая из холодильника джем и ветчину, а из хлебницы — хлеб. — Как вы относитесь к сэндвичам и кофе?

— С превеликим удовольствием, радость моя! — возликовал капитан Обри. — Давайте-ка мне.

Со сноровкой, говорящей о немалом опыте, он поймал запястье Стивена и вытащил у него из пальцев нож, из другой руки стремительно выхватил банку с джемом. Бутерброды он делал так же легко, как, по всей видимости, вообще все на свете — Стивен только молча таращился на это, машинально держась за запястье. Нет, больно не было.

Обри поймал его удивленный взгляд и пояснил, не отрываясь от процесса:

— Ха-ха, Стивен, не удивляйтесь так: разумеется, я помню, что вы даже бутерброды не можете сделать без угрозы для жизни! Разумеется, когда мы с вами жили вместе, готовил всегда я.

«Радость моя?… Жили вместе?…» — к счастью, Стивен умудрился не произнести этого вслух. Зато ему удалось сформулировать тот же самый вопрос чуть более изящно — и, как он надеялся, в нужной речевой традиции. Чтобы собеседнику все было понятно.

— Капитан Обри, в виду того, что я по-прежнему не имею чести помнить наше знакомство, окажите мне любезность и объясните как можно более четко, в каких отношениях мы с вами состояли и чего вы, собственно, ждете от продолжения этого знакомства в изменившихся обстоятельствах.

Джек прервал изготовление очередного бутерброда и хмуро, даже как-то недоверчиво уставился на Стивена.

— В каких отношениях? Мы были друзьями, конечно же!.. — потом он как будто сделал над собой явственное усилие и произнес значительно мягче. — Простите, мой дорогой, не припомню, что когда-нибудь говорил это вслух — или что слышал что-то подобное от вас… и, клянусь богом, едва ли я бы произнес что-то подобное вслух, если бы не обстоятельства, но я привык ценить эту дружбу как едва ли не самое ценное в моей

жизни. Больше всего на свете я любил двух людей — мою жену и вас.

Теперь пришла очередь Стивена хмуриться: ответ — несомненно, честный и показывающий редкостное присутствие духа у его визави — с одной стороны принес ему некоторое облегчение, с другой стороны, не прояснил ровным счетом ничего.

— Я имел в виду — прошу прощения, если это предположение вас оскорбит или покажется неприемлемым, — Стивен отметил про себя, что манера выражаться является куда более заразной, чем ему казалось ранее, — что ваши обращения и легкость физических контактов указывает на некоторый уровень интимности.

— Ну конечно, а как же иначе?

— Однако отношения подобного рода в ваше время не одобрялись?

— Какого рода? — удивился Джек. — Погодите, вы что же, говорите о… — он в одну секунду побагровел. — Бог мой, Стивен, как вы могли такое подумать! Даже учитывая, что вы не помните… Нет, это выше моих сил! — он зашагал по крохотной кухоньке взад и вперед, даже умудрившись почти ничего не задеть.

— Прошу меня простить, — повторил Стивен. — Просто некоторые нюансы вашего поведения…

— Неужели в вашем будущем все охвачены грязными мыслями? — нахмурился Джек. — У вас нельзя коснуться другого мужчины, обнять его или назвать другом, чтобы тебя не заподозрили в содомии и не повесили?

— Не настолько жестко, — покачал головой Стивен. — За содомию не вешают, в не ней подозревают, она не является препятствием для карьеры (иногда даже способствует), во многих странах разрешены однополые браки. Да и другом называть можно. И касаться можно, — добавил он, подумав. — Но здесь и сейчас, если один мужчина говорит, что любит другого, это почти всегда будет означать содомию — по крайней мере, в мыслях и намерениях. Те люди, которые не хотят обозначить свою привязанность, как гомосексуальную… эээ, как педерастическую, так себя не ведут и так, как вы ко мне, друг к другу не обращаются. Иными словами, дружелюбие приветствуется, нежность — нет.

— Клянусь честью! — воскликнул Джек и замолчал, даже остановился. А потом горько произнес: — Господи, куда катится мир! Если уж добропорядочным людям нельзя открыто выражать самые благородные из чувств без того, чтобы их не заподозрили

черт знает в чем — воистину, слава Всевышнему, что я этого не увижу!

— А у вас будут все шансы это увидеть, — сказал Стивен. — Когда мы выясним причину этого феномена на острове, вам придется так или иначе налаживать свою жизнь в этом мире. И маскироваться — думаю, внимание масс-медиа… эээ, газет вам не нужно?

Про себя он уже невольно начал прикидывать, каким образом можно будет организовать проезд капитана Обри в Дублин — в кампусе он почти не будет выделяться даже в мундире, а если его переодеть, странности поведения не так будут бросаться в глаза.

Очень, очень сложно представить, что когда-то, даже в невозвратимом прошлом, кто-то называл тебя одним из самых дорогих на свете людей. Очень сложно представить, что ты был кому-то так близок, что тебе выражали нежность, не стесняясь и не скрываясь, с небрежной улыбкой миллионера делясь последней рубашкой. Очень страшно. Очень тоскливо. Почти невозможно.

Стоит попробовать?

Вот они, нескладные чудеса в его жизни. Зримое воплощение: грубоватый мужчина в опереточном мундире вертит в руке перепачканный повидлом кухонный нож — а в другой руке держит бутерброд, который поедает (кажется, это уже пятый, и кажется, это нервное). Пересек время. И ради чего?… Ради сомнительного общества и столь же сомнительного обаяния некоего бледного коротышки с отсутствующим взглядом?…

Стивен хорошо знал себя. Хорошо знал, чего от себя ждать. Он никогда не стал бы водить близкое знакомство с человеком, подобному капитану Обри даже в нынешнем времени, а такой, как он, не стал бы водить знакомство с ним — Иисусе, Мария, Иосиф, о чем они вообще могли разговаривать?

И тем не менее, так случилось. Может быть, в прошлом он был лучше?…

Стивен испытал секундную, всепоглощающую тоску по тому времени, такую сильную, что ему расхотелось жить.

— Да нет, не думаю, что придется, — махнул рукой капитан Обри. — Дух-то ведь только обещал мне, что мы с вами увидимся, и больше ничего. Я просто проститься хотел как следует — нам тогда не довелось. А так — полнолуние кончится, и все вернется, как было.

Улыбка у него была как будто вымученная, но все же ясная. И надкусанный бутерброд в руке.

* * *

«В конце концов, если рассуждать логически, что мне до того, исчезнет этот человек или не исчезнет? — спросил себя Стивен, когда их ноги уже топтали дорожную пыль. — Меня это никоим образом не касается. Мы с ним знакомы несколько часов, лично я ничем ему не обязан, как и он мне. Зато диссертация, несомненно, обретет нужную глубину, как любят выражаться отдельные представители нашего ученого совета…»

Но мир почему-то стал еще невыносимей.

— Глядите-ка, человек, — сказал Джек Обри с искренним интересом. — А я уж думал, здесь никто так и не объявится.

Действительно, босой человек в простой рясе, подпоясанной вервием, торопился к ним по дороге. Нет, не торопился, просто быстро шел: по его лицу было ясно видно, что он никогда и никуда не спешит, даже если миру осталось жить пять минут («Что как раз может оказаться нашим случаем», — отрешенно подумал Стивен).

— Мир вам! — сказал человек еще издали.

— И вам мир, святой отец, — сказал Стивен. — Осмелюсь ли я спросить, кто вы?

— Меня зовут Кольм Килле, — сказал человек. — Я иду рассудить наших добрых птиц, они слетелись со всей Эйре и ждут, кого же выберут их королем. Молю, укажите мне дорогу!

— Вон туда, — Стивен махнул рукой вверх по улице. — Они заняли все холмы. Скажите, святой отец, я с детства хотел узнать: как же вы можете поощрять между птицами суетность и тщеславие, соглашаясь выбрать из них самого главного?… Разве не лучше им быть во всем покорными воле Божьей?

— О, они и так покорны, мой дорогой сэр! — воскликнул святой Кольм Килле. — Но как быть?… Всем нам, грешным, нужна какая-то защита, какая-то отдушина, куда мы уходим от невыносимой тяжести мира, — на этих словах Стивен вздрогнул, — птицам, благослови их Господь, только естественно уходить в тщеславие: зачем иначе им дано было это яркое оперенье?… И, кроме того, покуда они просят совета у божьих людей, греха я в том не вижу.

Он пошел дальше, а Джек, пораженный, поглядел ему вслед.

— Стивен, вы говорили так, как будто с ним знакомы!

— В каком-то смысле так и есть: это святой Кольм Килле, герой ирландских сказок. Персонаж до некоторой степени выдуманный. Здесь, как я полагаю, однако не более выдуманный, чем мы с вами.

* * *

Они спустились к морю, где на камнях расчесывали и сушили волосы прекрасные девы с зеленой кожей. Они смеялись и пели, их тонкие голоса звенели между камней, и Стивен подумал, что в обычные дни, должно быть, их песни неотличимы от воя ветра в скалах.

— Если спрятать шапочку одной из них, она выйдет за вас замуж и станет матерью ваших детей, — заметил Стивен.

— Благодарю покорно, — ответил Джек со смехом, — у меня уже было такое приключение! Русалка прекрасна, пока поет, но в твоей постели… — он замялся и, кажется, покраснел, сообразив, что сказал нечто, что джентльмену не пристало. Стивен сделал вид, что ничего не заметил.

Потом они наткнулись на поляну, где лепреконы устроили базар и уговаривали друг друга купить их башмачки. На двоих путников они обратили внимания не больше, чем птицы.

Они пересекли остров из конца в конец и говорили довольно мало. Один раз Джек спросил:

— Меня удивило, что вы не примерзли к тому пятачку земли, где мы увидели птиц, и не стали их зарисовывать или учинять над ними свои магические танцы с бечевками, линейками и сачками.

— Мой дорогой, — Стивен сам не заметил, как использовал то же обращение, — к настоящему времени повадки большинства птиц исследованы и описаны исчерпывающим образом. Во всяком случае, птиц нашего побережья. Чтобы узнать нечто новое, нужна дорогостоящая техника — или же нужно путешествовать совсем далеко, на другой конец земного шара.

— Вам от этого грустно, Стивен?

— Развитие техногенной цивилизации имеет свои преимущества и свои недостатки, что за странный вопрос! Но вы очень точно подметили, пожалуй, что грустно.

* * *

— Ах, мои бедные ноги! — смеялась рыженькая девочка, танцуя на листе смородины. — Мои бедные ноги танцуют и танцуют, и все им мало!

Ей наигрывали многие другие маленькие существа, рыжеволосые и черноволосые, с крыльями и без, в одеждах из прозрачного блестящего шелка и в самых обыкновенных костюмах. Один за другим инструменты выбивались из сил, падали друг на друга музыканты, а рыженькая и ее подружка все так же продолжали кружиться в каплях росы.

— Так я не играю! — рыженькая топнула по листу так сильно, что он закачался. — Ах, если бы нашелся тот, кто сыграл бы мне на скрипке, уж я бы его расцеловала!

— Если бы нашлась скрипка по мне, я бы охотно оказал вам такую услугу! — Джек Обри поклонился рыженькой, стараясь говорить почетче и потише, чтобы маленькую красотку не унесло за горизонт.

— За чем же дело стало?! — звонко рассмеялась она. — Инструментов всяких у нас в достатке, и для вас, великанов, найдется. И ваш друг поможет?

Джек обернулся к Стивену.

— Дорогой мой, поможете мне? — спросил он. — Клянусь, для меня не было бы большего счастья, чем снова сыграть с вами дуэтом.

— Я бы с удовольствием, — сказал Стивен, чувствуя неловкость, — но я не могу больше играть на виолончели, я уже говорил вам.

— А флейта? Или свирель? — спросила рыжая феечка. — Неужто Эйре так оскудела талантами, что ее ученые люди не могут сыграть на свирели?…

— С флейтой я, пожалуй, справился бы, — поколебавшись, заметил Стивен, — но не могу гарантировать качество звука.

— Ну так попробуйте! А то эти вот совсем никуда не годятся!

С этими словами феечка хлопнула в ладоши, и откуда не возьмись несколько малиновок принесли зеленый шелковый платок, в который были завернуты флейта и скрипка. Обе они были сделаны из странного, полупрозрачного дерева и как будто слегка светились — а может быть, тому виной был насыщенный золотой вечерний свет.

— Отличный инструмент! — воскликнул Джек, вскинув скрипку к подбородку, как мог бы снайпер, наверное, поднять свою винтовку. — И какая легкая!

Флейта, доставшаяся Стивену, не весила, кажется, совсем ничего. Он с сомнением покрутил ее в пальцах и поднес к губам.

Они не сговаривались, но каким-то образом начали играть одно и то же. Веселый задорный мотив, который начала скрипка, а флейта подхватила спустя всего пару тактов. Музыка сперва пошла криво и косо, но потом выровнялась, набрала силу, зазвенела и понеслась, петляя между травами, кустами бузины, уносясь к закатному небу. Рыженькая и ее подружки танцевали задорно и яростно, крутились кудри, и кто знает, то ли танцоры стали больше, то ли музыканты — меньше, но Стивен уже ясно видел, как Джек, не выпуская скрипки из рук, танцует сразу с двумя чернявыми феями, и даже его самого закрутила какая-то, с

глазами, как гречишный мед.

— А вот такую знаете? — крикнула рыжая и завела песню.

Язык был незнаком, но Стивен сразу почувствовал, что ничего прекраснее он в жизни не слышал — да нет, слышал, точно, слышал, он знал эту мелодию еще в колыбели, она сопровождала его первые шаги, она звучала в самом центре его первой любви — там, куда он так и не смог с собой никого взять.

— Ясное дело, знаем, — ответил Джек, в речи которого откуда ни возьмись уже появился гэльский акцент, и скользнул смычком по струнам, а его низкий, верный голос сплелся с голосами фей.

Стивен подхватил и только жалел, что не может петь — потому что лучше этого ничего не происходило в его жизни.

Они пели и играли, играли и пели, пока не выпала роса, пока не поднялся ночной туман и луна, золотая и прекрасная, не взошла на высокий небосклон темно-синего хрусталя. Они стояли с капитаном Обри спина к спине, поддерживая друг друга, потому что ноги их уже дрожали от усталости, но не могли остановиться, ибо одна чарующая мелодия сменялась другой, ибо смеялись феи и подносили им по очереди золотистое вино из вереска.

А потом луна зашла, и Том Пуллингс вынул флейту из ослабевших пальцев Стивена.

— Поспите, — сказал он, накрывая дублинского профессора одеялом. — Вам надо отдохнуть.

В одной из комнат коттеджа дядюшки Тома тикали ходики, отсчитывая время, но здесь было тихо и темно.

Стивен заснул со слезами на глазах — у него уже не было сил бодрствовать.

* * *

Завтрак мог бы случиться и тысячу лет спустя, и тысячу лет в прошлом. Все равно они ели тосты с джемом и омлет — традиционную английскую еду, вкусную и сытную, пропади она пропадом. Стивен положил ломтик сыра поверх джема — нет, все равно после вчерашнего верескового вина вкус еле чувствовался, как будто его язык ороговел. И не только язык.

«Подумать только, — горько размышлял Стивен, — а я-то надеялся, что посещение Каринн-Брагг принесет хоть немного покоя. Вместо этого все мои мысли и чувства оказались разобщены, разорваны ураганом непредставимых для меня прежде обстоятельств».

— Скажите, какое сегодня число? — спросил он у своего

хозяина.

— Проницательны, как всегда, — улыбнулся Пуллингс. — Вы правы, все еще первое мая. Вчера вы задремали в кресле у огня, я разбудил вас и проводил наверх.

— А флейта? — спросил Стивен без особой надежды.

— Да, я попросил вас сыграть, — кивнул Томас. — У меня лежит блок-флейта моей внучки, иногда я ее достаю. Спасибо за доставленное удовольствие, профессор Мэтьюрин.

— Вы мне льстите, я не профессионал, — покачал головой Стивен.

— Зато понимаете душу музыки.

— Скажите, ваши глаза к вам вернулись?

— Благодарю вас, да, — Пуллингс склонил голову. — Теперь я вижу даже сквозь туман, и очень отчетливо. В частности, сейчас мне очевидно, что миссис Мастерс весьма о вас волнуется. Если вы дадите номер ее телефона, я буду счастлив его набрать и предупредить эту добрую леди, что вы всего лишь заночевали у меня.

— Буду премного вам благодарен.

Короткий разговор с Софи по телефону — и Стивен пустился в обратный путь, все в том же состоянии каменной горечи и пустоты. Он понял, куда свернул вчерашней ночью, и намеренно свернул туда снова. Стивен сам не знал, зачем он это делает: мало ему одной боли?… — однако поступить иначе попросту не мог.

Бесцеремонное сердце, пылавшее к нему самыми благородными из чувств… Нет, в это невозможно поверить.

Теперь, когда старик Пуллингс со своими всепонимающими глазами остался позади, Стивену начинало казаться, что все это сон, наваждение, бред воспаленного разума — возможно, дают о себе знать последствия наркотической зависимости, от которой он с таким трудом избавился несколько лет назад? И удивительно ли, что сон принял такие формы? Учитывая его непреходящее одиночество, его тоску по родной душе, его катастрофическую невезучесть — нельзя сказать «неудачи», ведь что-то же они в нем находили — с женщинами…

Сухой Удильщик был на месте — на вершине холма, выходящего к океану. Только выглядел он совсем иначе, чем ночью: расколот пополам. И расколот давно — Стивен даже втиснулся между половинками, чтобы изучить плоские поверхности, изрядно сглаженные ветром и временем.

В щели росла трава, низенькая из-за постоянной тени. Бриз дул с океана.

«Этого и следовало ожидать, братец», — сказал Стивен и

поспешил к Мастерсам.

* * *

— Ну вот и вы! — воскликнула Софи. — Иисусе, Мария, Иосиф, Стивен, ну что вам стоило позвонить вчера вечером!

— Прошу прощения, забыл, — Стивен понимал всю неловкость оправднаия: ну что из того, что это было правдой?

— Да, вы-то можете! — Софи потянула его в кухню, и Стивен сказал себе «Да, да, надо идти, ничего не поделаешь».

— Выпейте чаю, на вас лица нет! Уверена, этот старый Том морил вас голодом…

В кухне работал телевизор. Стивен бросил один взгляд на экран — и замер: там красовался Джек Обри собственной персоной. Тоже в мундире — обыкновенном морском мундире, в знаках различия Стивен не разбирался ни в малейшей степени.

Симпатичная корреспондентка как раз задавала ему какой-то вопрос — он отвечал с уверенным добродушием:

— …Нельзя сказать, что они непрофессионалы, но пираты в наше время — это не столько убийцы и головорезы, мисс, сколько самые обычные браконьеры, которые удят рыбу не в тех водах. Жизни они ставят по пенни за десяток, это верно, но, сходив в море хоть раз, к таким вещам начинаешь относиться по-другому. Так что вы преувеличиваете — не такой уж это был героический поступок. Можно сказать, я просто оказался в нужное время в нужном месте.

— Но вы нужный человек, осмелюсь сказать, — улыбнулась журналистка.

— Э, не один я! Мне, мисс, повезло служить с самой лучшей командой во всем британском флоте…

Стивен вздохнул, неожиданно для себя широко улыбнулся и потянулся за одним из сэндвичей с ветчиной.

— Действительно, смешной человек, — одобрила Софи. — Глядите, так и светится! Наверное, славный парень, хоть и военный.

— Наверное, — кивнул Стивен.

Он знал, что у них почти нет шансов встретиться. Стивен — не судовой врач и вообще не врач; этот Джек едва ли играет на скрипке. Но все же до чего хорошо, оказывается, жить на свете — просто время от времени.

И надо будет ему съездить… где там у нас стоит флот?… В Портсмут. Военно-морской фольклор — область еще малоизученная.